ныхъ реформаторовъ. Въ этомъ смыслѣ того пессимистическаго оптимизма, который изъ самыхъ несчастій и страданій пролетарія выводитъ окончательное торжество рабочаго класса и всего человѣчества.

Условія тогдашней современности опредѣляли и другія преувеличенія Маркса. И, говоря такъ, мы разумѣемъ не классовую борьбу, не элементъ соціальной вражды, проникающій историческую философію Маркса: этотъ взглядъ на развитіе человѣчества путемъ внутренней борьбы уже стучался въ дверь общественнаго сознанія на рубежѣ XVIII-го и XIX-го вѣковъ, и въ первой половинѣ прошлаго столѣтія находилъ талантливыхъ истолкователей не только между великими утопистами и ихъ учениками, но и между буржуазными мыслителями. Нѣтъ, мы говоримъ о томъ подчеркиваніи экономическаго элемента, который изъ упомянутой нами выше совершенно вѣрной мысли о могуществѣ коллективной психологіи сдѣлалъ однобокую, но столь популярную теорію «экономическаго матеріализма». Но опять таки и это преувеличеніе было естественнымъ дѣтищемъ тогдашняго положенія вещей, именно состоянія, въ которомъ находился рабочій классъ въ связи съ направленіемъ соціально-политической мысли. Дѣйствительно, взглядъ на преобладающую роль отношеній собственности уже довольно давно носился въ воздухѣ, уже былъ отчетливо сформулированъ Сенъ-Симономъ и даже прежде его извѣстнымъ дѣятелемъ первой революціи Барнавомъ, который,—какъ очень кстати упоминаетъ Жоресъ въ своемъ интересномъ трудѣ объ «Учредительномъ Собраніи»—положилъ въ основаніе своего «Введенія во французскую революцію» (напечатаннаго лишь въ 1845 г.) теорію распредѣленія политической власти въ зависимости отъ распредѣленія экономической мощи въ обществѣ.

Мы сказали сейчасъ о положеніи рабочаго класса. Оно было, дѣйствительно, ужасно. То былъ медовый мѣсяцъ развитія крупной промышленности и, соотвѣтственно съ этимъ, усиленія эксплуатаціи труда капиталомъ, жесточайшаго калѣченья пролетаріата. Рабочаго загнали на фабрику для безконечно длиннаго дня (по крайней мѣрѣ, на

континентѣ Европы), лишивъ его всѣхъ радостей жизни; отъ него оторвали жену и тоже послали на жертву фабричному Молоху и вынужденной проституціи; у него отняли дѣтей, отняли съ самаго нѣжнаго возраста и заставили раздѣлять участь отца и матери. Пресловутые «моралисты» буржуазіи разрушили такимъ образомъ семейный очагъ пролетарія, задавили его непосильнымъ трудомъ, изуродовали его физически и нравственно, благодаря крайне низкой заработной платѣ и, стало быть, невозможности удовлетворять не только что высшія, но самыя существенныя потребности организма, парализовали способность развитія, словомъ, крайне сузили его кругозоръ и обрекли его на самую монотонную и нищенскую жизнь, прерываемую лишь неотразимой жаждой забытья хоть на минуту въ винѣ и грубыхъ удовольствіяхъ. Но когда у человѣка отняты нормальныя условія даже чисто органической жизни, все его міровоззрѣніе пропитывается совершенно понятнымъ стремленіемъ къ удовлетворенію этихъ низшихъ, этихъ существенныхъ потребностей, лишь на фундаментѣ которыхъ развивается высокая индивидуальная жизнь. Какъ въ Сахарѣ голодающаго и жаждущаго мучатъ видѣнія далекихъ пальмъ, струящейся воды, словомъ, картинъ, вырастающихъ, такъ сказать, изъ желудка, такъ въ соціальной Сахарѣ капиталистическаго общества пролетаріевъ обступаютъ мучительно напряженныя стремленія къ матеріальному довольству; и надо быть бездушнымъ филистеромъ, чтобы не понять всего трагизма этого положенія. Та карикатура, которою покойный Лѣсковъ думалъ заклеймить русскаго интеллигента—эмигранта, говоря, что «личнымъ идеаломъ Шерамура было жрать, а общественнымъ — давать жрать другимъ», эта карикатура была дѣйствительнымъ изображеніемъ міровоззрѣнія рабочаго класса въ наиболѣе тяжелый періодъ его развитія. И великому иронисту, общественному процессу развитія, угодно было именно эту карикатуру превратить въ грандіозную картину классоваго самоотверженія, выдвинувъ величайшихъ героевъ, полагающихъ душу свою за други своя, именно изъ среды трудящихся массъ, которыя желали